

Муром
Супрун

ХРАБРЫЙ
НАЗАР

ЗДРАВСТВУЙ,
ДОБРОЕ
СОЛНЦЕ

*Արտուր
Տարկիսյան*

ХРАБРЫЙ НАЗАР

ЗДРАВСТВУЙ, ДОБРОЕ СОЛНЦЕ

Перевод с армянского
Карино Халатовой и Аллы Тер-Акопян

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

Тревога за будущее человечества в мире, где существует угроза ядерной войны, проблемы добра и зла, места и назначения человека на земле — вот круг художественных тем, к которым обращается вдумчивый и ищущий прозаик Мкртич Саркисян.

«Храбрый Назар» — это роман-комедия, занявшая самостоятельное место в нынешней армянской прозе, — написана в ключе современных общественно-политических событий. Ее перевод сделал Каринэ Халатовой.

Роман М. Саркисяна «Здравствуй, доброе солнце», затрагивает проблему морального облика человека, каждодневных взаимоотношений между людьми, связи поколений. Это произведение переведено Аллой Тер-Акопян,

Художник СЕРГЕЙ БИРИЧЕВ

ХРАБРЫЙ НАЗАР

РОМАН-СКАЗКА

Сказка «Храбрый Назар» — одна из жемчужин нашего народного творчества. Художественным переложением ее занимались такие замечательные писатели, как Ов. Туманян, А. Исаакян, Д. Демирчян, Ст. Зорьян, Амастех. Я также взялся за нелегкое дело романизации сказки. Не обессудьте, пожалуйста, и не сочтите за дерзость мое смелое начинание. Ни один писатель, если, конечно, мания величия не вскружила ему голову, не может раньше времени заявить о достоинствах своего произведения. Но не может он и приступить к нему, не уверенный загодя в удаче, в том, что в силах преодолеть сопротивление материала. Так что этот роман, дорогой читатель, я кладу тебе на стол, обуреваемый сомнениями и повторяя вслед за Египше Чаренцем: «Нету критика другого, кроме сердца твоего».

Долгие годы талаптливым автор комедии «Храбрый Назар» Дерешик Демирчян лелеял мечту об одноименном романе, однако, к сожалению, так и не смог ее осуществить. Соблазн не покидал и Гургена Маари, щедрого обладателя неисчерпаемой сокровищницы юмора. Можно себе представить, какими великолепными произведениями обогатилась бы советская армянская литература, воплотись замыслы наших старших товарищей по перу.

Но слезами, как говорится, горю не поможешь, а не то нас, пожалуй, не отличишь от героев сказки «Смерть Кюкоса»¹. Да и Храбрый Назар заупрямился, пристал как банный лист и все к письменному столу подталкивает. «Боязно», — говорил я и пытался высвободиться. «Вот человек, ну, почему?! Ты же не Храбрый Назар, в конце концов!.. А знаешь что, — лукаво подмигнул мой герой, — уж ежели мне, трусу и бездельнику, посчастливилось в царя выбиться, то тебе просто грех бояться. Садись и пиши, авось фортуна и

¹ Сказка Ов. Туманяна, в которой герои всерьез оплакивают воображаемую беду.

тебе улыбнется, все в ее руках, глядишь, страх и тебе на пользу пойдет — писателем станешь, а?..» — «Господь с тобой, будь что будет», — махнул я рукой.

Роман я уже завершил, встал из-за стола, и, прежде чем ты, дорогой читатель, встретишься с моим героем, мне хотелось бы в двух словах познакомить тебя с принципами, которых я придерживался, работая над романом. Во многих фольклорных вариантах сказки «Храбрый Назар», а также в однотипных сказках других народов (немцев, прибалтов, грузин и т. д.) Храбрый Назар достигает своей мечты «покорителя мира». У каждого народа свой «Храбрый Назар», и, главное, сказки эти сродни друг другу и по своему сюжету, и в особенности по своим философским обобщениям.

Я принял туманяновскую и демирчяновскую интерпретации: в их произведениях более глубоко и верно переданы дух и пафос житейской мудрости народной сказки (за исключением финала у Дереника Демирчяна с вымышленной автором сценой смерти Храброго Назара).

Замечу, что, создавая образ своего героя, я не пытался и не осмеливался модернизировать его, не отдалялся от истоков народной сказки. Однако, поскольку роман написан в XX веке, когда на нашей планете прогремели две мировые войны, то в романе не могут не отразиться хотя бы мимолетные отголоски современной истории. В противном случае от героя вековой народной сказки не осталось бы и следа. В то же время Храбрый Назар с моей помощью и моими глазами смотрит на XX век, поэтому, возможно, порой его видение мира в чем-то перекликается с взглядами бывших и нынешних тиранов.

Пожалуй, мне пора кончать, дорогой читатель, ведь тебя ждет сам Храбрый Назар Сотый и храбрейший из храбрых, величайший из великих, царь царей, которого величают и покровителем мира, и владыкой, и божественным, и прочая, и прочая...

Некогда была деревушка Назарашен, и в деревушке той жили-были муж и жена. Мужа звали Назар, жепу — Назан. Ленивым и бездельником слыл Назар, жена же ему попалась работающая и расторопная. Назар — трус и враль, каких свет не видывал, а Назан сварливая да драчливая — пальца в рот не клади. Назар уродился не бог весть каким красавцем, а вот на Назан любо было смотреть — славная и пригожая. Не дал господь им детей, и жили они вдвоем, бранились без конца, ссорились и мирились, так и коротали свой век.

Хозяйство они нажили не ахти какое: хилый ослик с бородатым козлом, соломенный тюфяк да залатанное одеяльце, дедовская ржавая сабля да изъеденная молью чуха¹ Назара, красный пояс из приданого Назан да головное украшение из трех медяков — вот и все добро. Да, а еще в придачу изматывающие, пескончаемые споры да раздоры между мужем и женой.

На склоне Арчасара у Назара с Назан был клочок земли величиной с платок деревенского старосты Мухэла, неухоженный, заросший чертополохом и ренеем. Куда уж Назару землю возделывать, когда его лень и страх одолевали. И Назан не смела в поле сходить — уж больно ревнив был у нее муженек да привередлив в вопросах чести и супружеской верности. Ну, а вся штука заключалась в том, что он просто-напросто не рисковал один оставаться дома, боялся чертей и прочей нечисти. Так вот и протекали их дни в каждодневных перебранках и на полуголодный желудок, и наяву ли, во сне ли обоих не покидала самая заветная мечта: Назар мечтал о богатстве и храбрости, славе и наследнике, Назан желала мужу трудолюбия и смелости, а себе скорого зачатия и счастья.

¹ Чуха — верхняя мужская одежда.

— Назан!

В ответ ни звука. В соседнем саду слышится тихий лепет ручейка. Под лопатой садовника поминутно хлюпает земля, он напеваает хриплым голосом, песня так и ластится к воде: «С каких гор бежишь, ручеек, звонкий, чистый ручеек?» Садовник, наверное, знал всего две строчки песенки и повторял их уже в который раз. «Фанос распелся, — размышлял Назар, — вот чудак-человек, грядки поливает, делать ему больше нечего. Эх, голова еловая!.. Вот я, скажем, тоже ведь мужчина и ничем не хуже тебя, а целый день в тени тутового дерева прохлаждаюсь... Да шут с тобой, а нет, ты еще и жене моей дурной пример подаешь. Эх, Назан, Назан! Как завидит лопату и грабли в руках Фаноса, да как напустится на меня, будто в нее бес вселился. «Чтобы ты, говорит, сгинул, лежебока проклятый, не иметь бы мне такого хозяина! Ты гляделки свои протри, посмотри, как люди день и ночь спину гнут — трудятся в поте лица, и дом у них как дом, и жены живут — нужды не знают, а ты?!» Вот так-то, от плохого соседа добра не жди. Эх, Фанос ты этакий, или как тебя там еще, наберись ума, делом займись: приляг в тени, отдохни всласть или жену свою, вертихвостку эту, приголубь-приласкай, балбес! С нее же вся деревня глаз не сводит, она как косуля среди охотников... Эхе-хе-хе...» — вздохнул Назар и повернулся на другой бок.

Улыбчивое солнце, словно лакомый пирожок, румянилось па верхушке Арчасара и сквозь листву тутового дерева оранжевыми лучиками цекотало веки Назару. Потихоньку подкрадывались сумерки.

Назар забеспокоился:

— Где же носит эту чумную? Назан!

В ответ ни звука. Хозяева гудящей тишины — мухи да мошкара — совсем распоясались, всюю осаждая Назара.

— Какая ж она жена? Ни стыда у нее, ни совести. Нет чтоб подумать: ведь заедят мухи моего Назара, пойду-ка отгоню их, пускай мой муженек отдохнет... Смеркается ведь, вот-вот пробудится зверье, воры да разбойники возьмут за глотку этот несчастный мир. А не ровен час, беда с Назаром стряется, горе тогда Назан, горе всему Назарашену — как они без него жить будут? Что с миром станется? А этой заполошной хоть бы хны... Назан!..

Панический душераздирающий вопль Назара заставил Фаноса бросить работу и поспешить к изгороди.

— Что с тобой, сосед? — опершись о лопату, спросил Фа-

нос.— Бешеная собака, что ли, укусила? Здесь Назар, с Шогик разговаривает.

— Фанос,— простонал Назар,— скажи этой дурехе, чтоб домой шла. Что она, беспризорная или мужа похоронила, а? Скажи, пусть пошевеливается, пока во мне злоба не закипела, не то потом поздно будет, да, поздно! Назар не из тех мужей, чтоб позволять жене с кем попало лясы точить да по улицам шашни водить!..

Покачал Фанос головой и пошел прочь. Ночная прохлада с шелестом спускалась с Арчасара в деревню и покачивала лопухие листья тутового дерева над головой Назара. Небо на западе полыхало в лучах заходящего солнца. Стадо коров и отара овец шумно возвращались в деревню. Покой дня сменился суетливым деревенским вечером. Узкие грязные улочки задыхались от блеяния овец, тоскливого мычания коров и телят, ругани, свистов и понукания пастухов.

Кто-то с размаху трахнул о садовую калитку. Назар аж подскочил на месте:

— Это еще что, а?.. Вай-вай-вай!

Калитка заскрипела и медленно приоткрылась. Сначала высунулась борода нежданного гостя, длинная и седая, а потом — рога. У Назара от страха сердце упало, губы одеревенели, язык к гортани присох.

— А-а-а-а!.. Сатана!.. Вай! Караул!..

— Эй, барин Назар, принимай своего козла-заморыша! — прокричал подласок.

В приоткрытой калитке показалась черная курчавая голова и загорелое лицо мальчика. В озорных глазах прыгали бесенята, и полуоткрытые губы ухмылялись с издевкой. Он показал Назару язык.

У Назара-лежебоки
Пузо в репе да морковке,
Горе Назар, ой горе,
За Назара пошла поневоле!

Назар тем временем взял себя в руки, и в нем заговорил прежний задира. «Козла надо зарезать, уж больно у него морда на дьявольскую смахивает. Зарежем — съедем. И с глаз долой, и от греха подальше. Сопляка этого я мигом приструню, чтоб впредь не задавался, а там посмотрим...»

— Вот я тебя, сукин сын, кого это ты задираешь?! Назара не знаешь, что ли? Эх, неохота мне, не то б встал да

в порошок бы тебя стер. Моя лень — твое счастье, так и знай! Не то б несдобровать тебе, а заодно и всему миру.

— У Назара-лежебокн... — и мальчуган пулей сорвался с места.

Распахнулась калитка, и вошла Назан. У Назара глаза заблестели — обрадовался. Лицо у него стало умиротворенным — раздражения и страхов как не бывало. Славенькая была Назан. Длинные косы тяжело спадали вдоль спины, до облегающего ее стройный стан пояска. На высоком красивом лбу переливались в лучах солнца медные монеты головного украшения, и капли света словно заглядывали в ее черные глаза. На губах Назан блуждала улыбка.

— Случилось что с тобой, Назар-джан? — заговорила Назан.

— Что со мной может случиться, Назан-джан? — вздохнул Назар. — Только не обижайся, но не к лицу замужней женщине так вести себя, пропадаешь черт знает где, деревню вдоль и поперек мерить. У тебя же муж есть, у мужа твоего забот по горло, а жене хоть бы хны, ни любви, ни сердца у нее. Неужели слова о супружеских узах в приходской книге Тер¹-Марука тебе не указ? А? Мало того что мухи твоего мужа совсем извели, так тут еще соседи тебе дурной пример подадут, да и подпаски туда же — шутки шутят, душу выматывают твоему муженьку. А муж-то у тебя, прямо скажем, человек необычный, ну, вылитый Кероглы². Вот если не поленюсь да подымусь с места, тогда и соседи, и подпаски, и тем паче эти жалкие мухи узнают, какая она, моя сила. Вообрази, что было бы! В пух и прах бы их разнес! Да и от Назарашена камня на камне б не оставил, сухое, мокрое — все б сгорело-сгинуло. Смотри у меня, Назан: заупрямлюсь — и люди света белого невзвидят! Меня не жалеешь — пожалела б этот мир, того и гляди, грех его гибели тебе на душу ляжет.

— Вай, Назар-джан, говорили, ты шибко испугался, вай, ослепнуть мне!..

— Испугался? Кто, я? Э, Назан, Назан, и как у тебя язык поворачивается, а? Ты же счастливая женщина, что у тебя такой муж, как Назан. Я и так и сяк прикидываю. кручу-верчу, а нет-таки в наших краях человека, с кем бы я мог силой помериться. Я, Назан, несчастный очень человек, негде мне себя показать, развернуться, никакой надеж-

¹ Тер — здесь: священник.

² Кероглы — герой народного эпоса восточных народов.

ды в большой мир заглянуть. Напасть-то какая — и о войне чего-то не слышать, вот бы я косою смерти размахнулся, направо-налево! Что мне сказать, Назан-джан? Как Тер-Марук говорит, удел героя — меч его. Так вот моя сплушка да храбрость и пронадают ни за что ни про что. А теперь послушай, что я тебе о своих страхах скажу: пу, кому, как не мне, жить в страхе? Я самого себя, силушки своей побаиваюсь, Назан. От драк, от людей как от огня бегу, чтобы часом не причинить человечеству вреда. Темноты шарахаюсь, чтоб ошибка не вышла и вместо дэвов и чертей не пострадал бы певинный сын Адама. Что поделаешь, я человек осторожный, а за осторожным храбрецом страхи по пятам ходят, и он бонется, как бы из-за него не вышло чего худого в мире.

Назан уже не слушала мужа. Она-то знала хвастунишку Назара, его страсть к вракам, крохотную трусливую душу, тесную для любого величия, и почему-то жалела мужа. Не раз она задумывалась, прислушивалась к своему сердцу, хотела выяснить для себя важный вопрос: любит она Назара или нет? Но ответ так и не шел ей на ум. И в муже толком не могла разобраться: добрый он или злой, любит ее или нет? Да, она знала: Назар трусишка, враль, бездельник, но Назар своими речами любого бы заговорил — на это он был мастак. Он так мог вскружить жене голову, что та порой терялась в догадках: может, и вправду есть в ее муже что-то этакое неуловимое, невидимое, ей неведомое, ее уму-разуму недоступное, которое в один прекрасный день заявит о себе всему миру? А Назар знай себе разглагольствовал. Его бесцветные глаза в такие минуты загорались, во рту пересыхало от внутреннего жара, лицо заострялось. Он сам начинал верить в свои небылицы. Мечта становилась явью, ложь обретала смысл, перерастала в правду.

Назан срезала серпом траву с грядок, запасала на ночь корм для козла и ослика. Речь Назара лилась — не остановишь. А вечер входил в полные права. Сгущались отблески догорающего заката, словно подкрашенные обугленной синевой. Тополя черными фонтанами уходили в вечернее небо, будто кутаясь в черную шаль. Спадающий с гор ручей, как лезвие косы, рассекал Арчасар на две половинки и бежал к садам. Перекликались друг с другом хозяева-поливальщики. Вечер выдался ласковый, умиротворенный. А с уст Назара сочилось вдохновенное вранье и пустословие. Вдруг он спохватился и смолк: никто его не слушает, не откликается. Куда девалась Назан? Почему бросила его

одного в темноте? Он же ей рассказывал свои байки, а где она, почему не слушает его? Он же не осел паломника, чтоб кричать-надрываться, а на него поль внимания. Кто только выдумал эти темные ночи? Попадись ему этот выдумщик, он бы из него отбивную сделал! Мозги у него, видно, набекрень были: ведь темень — гнездо для всякой нечисти, а разбойник и вор, сатана и зверье есть порождение мрака. Вай, не случилось бы чего, а? Куда ушла Назан?

— Назан!

— Чего тебе?

— Ты где?

— С тобой рядом, травы немного накосила.

— Как так рядом, когда ты не рядом?

— Не бойся, не съедят тебя волки, Назар-джан.

— Ну, а если я волков съем, что скажешь?

— Ежели переваришь, ешь на здоровье.

— Вот я и говорю, Назан-джан, съесть-то я съем, только боюсь — не переварю и аппетит себе отобью. Поди-ка сюда, присядь со мной. Бока тебе пощекочу. А? Чего молчишь?

— И-и, — отмахнулась она от мужа, — помолчал бы лучше, любовничек. Эх, Назар, Назар, и тут с тебя спрос невелик. Не будь ты сиротой и голоштанником, разве б я пошла за такого замуж? Всей деревне я правилась, но без приданого никто за меня не посватался, отвернулись от бесприданницы.

— Опять пошла себя расхваливать, — обиделся Назар, — тебе Назару в поженьки надо кланяться, что в жены тебя взял, не дал в вековухах просидеть, а ты своей старой песенкой вечно меня подкальываешь, ранишь мое сердце. В тебе самой недостатков — хоть пруд пруди, кобыла ты бесплодная...

Назан муженька своего как облупленного знала. Он бы никого не пощадил, тем более жену. Назан всхлинула, разрыдалась, сквозь слезы жалуясь на свою судьбу и господу бога. Не ее вина, что она не рождает, бог ее покарал, послав никудышного мужа, лишил ее зачатия, материнской радости. На что ей красота, если никто не ценит, не любит? Кому нужна ее молодость, если мужчина в доме — Назар-лежебока, который без жены и двух шагов не может ступить?

«Отлупил бы я тебя, сучья дочка, — слушая ее, размышлял Назар, — отбивную б из тебя сделал, кабы знал, что си-

лы не подведут. Смотри-ка, как она хорохорится, пикчемностью и трусостью меня попрекает! Э, будь я таким мужчиной, какого ты хочешь, да неужто б я с тобой znalся? Пусть от меня проку мало, но и ты хороша, кобыла бесплодная. Пусть я трус, а ты драчунья. Что ж ты мне голову морочишь, кривляешься? Квиты мы с тобой, вот».

— Назан, послушай моего мудрого слова. Ну, будет, будет хныкать. Мне белый конь приснился. Хороший сон, к счастью это. Может, господь пошлет нам ребеночка, а?

— Почем зря разохотился? — сквозь слезы поддела его Назан. — От тебя и щенка не родишь. Твое дело — вранье. С ложью детей не родишь. Тебе бы только небыллицы городить. От брехии твоей не разродишься. Ты, ты виноват, что нет у нас детей! Бездельник ты, лежебока! Любить женщину — великое счастье!..

— Думаешь, легкое дело любить такую фурию, как ты? Чтоб тебя любить...

— Чтоб меня любить, нужно быть настоящим мужчиной, — перебила его жена, — и хватит чепуху молоть!

— Любить тебя мой священный долг, Назан, возложенный на меня богом и церковью. Я твой должник, и незачем тут спорить.

— А чтоб ты провалился, должник огайный!

— Любить тебя еще и мое право. Захочу — полюблю, захочу — не полюблю. Сейчас вот хочу любить, ясно? Будь готова к моей любви, не то полюблю насильно.

Назар обнял жену. Высушил ей слезы.

— Пошли в дом, Назан-джан.

— Запри дверь, Назар-джан, а то, не ровен час, воры да разбойники помешают.

Луна присела на макушку тутового дерева. Деревня погрузилась в легкую и таинственную мглу теплой летней ночи.

Да взойдет над вами доброе солнце, как взошло оно над Назарашеном. Трижды возвестил петух о восходе солнца, и лишь с последним «кукареку» вот уже в который раз брызнуло с востока солнце. На разные лады заговорил пробудившийся мир. Стадо потянулось из деревни. Полный рыцарского достоинства, окруженный любимыми бурепушками, надменной поступью прошествовал на пастбище бык. Петух с ревностью поглядел ему вслед и отправился миловать ся со своими наседками.

Назан поднялась рано, ввела козла в стадо, кинула ослу охапку травы и сидела теперь полуодетая на тахте, приводя себя в порядок. Назар уже проспудел, но с постелью никак не хотел разлучаться. Ворочался с боку на бок, притворялся спящим. Сквозь полузакрытые веки разглядывал жену. «Господь не дает одному человеку всех прелестей. А на нее поглядеть — царица, солнцу может велеть: «Ты, солнышко, не выходи, дай мне посветить». Хороша, но только для любви и создана. Лишил ее господь материнства, одними женскими чарами наделил, а они тебе, на твою долю выпали, о полусчастливый и полунесчастный Назар. Кто продолжит твой благородный род? Кто после тебя поддержит огонь в твоём очаге? Эх, Назар, так и проживешь один как перст», — и Назар тихо вздохнул.

— Хороша ты, Назан, да мне-то что?

Назан промолчала. Она заплетала косы и раздумывала, как день прожить. На Арчасаре у них огород с зеленью, редькой да огурцами, надо бы сходить, собрать. Назара посылать без толку: он и сам с места не двинется, и ее не пустит — из ревности. Скажет, прихвати с собой дочь Фаноса. А та у Тер-Марука грамоте обучается. Люди уже сыром и маслом, хлебом на зиму запасаются, а Назар и в ус себе не дует. Да пропади ты пропадом! Ну где это видано, чтоб жена мужа кормила?

— Назар, эй, Назар!

— Сплю я, Назан, спи, спи-то какие снятся!

— Добром бы кончились, Назар.

— Царская корона на мне, Назан, не мешай, — Назар сел в постели. — Ну вот, раскричалась, и я корону с железом из рук выронил. Эх, не дала человеку поцарствовать! Багдадской хурмой я лакомился да индийским чаем баловался. Не к стыду будет сказано, семь жен содержал... Ну ладно, ну, встану я, а что у тебя найдется поесть, а?

— Рожки да ножки.

— Как это?

— А так — рожки да ножки. Сходи в огород, нарви огурцов, зелени, вот и будет что поесть. Не пойдешь — оставайся с рожками да ножками, тебе и этого много.

— Э, верно говорят: была б женщина стоящей штукой, бог бы сам ею обзавелся. Женщина, мало того что ты меня с царского трона столкнула, так еще хочешь, чтоб царь в огород ходил, виданное ли дело?

— Ладно уж, к дьяволу твою царскую голову, не хочешь сам идти, позволь хоть твоей царице сходить.

— Ты, что ль, моя царица? — лицо Назара перекошилось, рыбы глаза гневно засверкали. — Ты бы на мой сон посмотрела, знала б, какие они — царицы!.. А то Назан — царица. Черта с два!

И Назара обуял сумасшедший смех. Он покатывался с хохоту, на глазах выступили слезы, будто его щекотали.

— Назан — царица, ха-ха-ха!

— Ах ты, сатанинское отродье, это почему же Назар может быть царем, а Назан не может быть царицей? Ах ты, овечья пиявка, ах скотина чумная, уймешься ты наконец?!

Назан взбеленилась. Она уже размахивала палкой-шерстобойкой. Назар с испугу пятанул на голову одеяло, спрятался, пикнуть не смел. Взбивалка врезалась в одеяло и до тех пор выбивала тучи пыли да стоны и рыдания, пока Назан не уgomонилась.

— Чтоб с тебя слетела твоя царская голова, жаль, одеяло разлезается, не то б я из тебя такого царя сделала — тысячелетним мертвецам бы позавидовал!

— Хорошо, Назан-джан, — примирительно заговорил Назар, — на сей раз я позволил косточки мне пересчитать, пусть будет как твоей душе угодно. Но впредь знай: потакать тебе не стану. По-мужески я поступил, подставил себя твоим тумакам, чтоб скверну женскую из тебя выщипить, дабы она мужественности моей не была помехой.

Назан его не слушала, занялась хозяйством. Утро обрызгало росой поля Назарашена и выпустило солнце подбирать жемчужную россыпь. Легкий туман карабкался в горы, рассеивался, слившись с бирюзовым небом. Ароматный дымок над тонырами взвивался к облакам. Безмятежное солнце, словно ножки, свесило свои лучи с горы и плескалось в серебристой речке. Над Назарашеном распустилось доброе утро.

— Назан!

— Чего тебе?

— Слышишь, вот было бы здорово, ежели б над миром всегда был день.

— А когда б ты дрыхнул, лоботряс несчастный?

— Скажешь тоже, поспать всегда найдется время. Кабы, говорю, день всегда светил, то и трусов бы поубавилось, и разбойники да воры, зверье всякое на людей бы не кидались из засады, верно, а?

— Ну и что же?

— Жить на свете стало б легче. Не люблю темные де-

лишки. Вот, скажем, надумал я денегат, богатства приобрести. Небось скажешь: откуда, от кого? С караванов Ипдустана. Золота и серебра, парчи и шалей, изюма да хурмы, риса да миндаля — всего награвлю, навезу в наш дом. Хватит жить голодранцами, на голодный желудок... А знаешь почему я тяну-откладываю это дело? Боюсь темной ночи, людей боюсь. Как бы в темноте не причинить им вреда. Товары отобрать — пустяк. У них много, пусть с нами поделятся. Но за какие такие грехи людям и добра лишаться, и жизни? Я силу своей руки знаю, Назан, и не хочу кровь невинную проливать. Надумал я грабить караван лунной ночью, чтоб при божьем свете не спутать людей с богатой поклажей. Запомни мои слова, Назан, это тебе не кто иной — мужчина обещает.

Но что бы Назан ответила мужу? Не впервой же ей слушать Назара. Он только что отведал ее побоев, и ничего — счел это мужеством, чуть ли не геройством. И вот расхрабрился, караваны вздумал грабить, будто всю жизнь только и знал, что грабежами занимался.

— А знаешь, Назан, что моя дедовская сабля, ну, та, что я храню за амбаром, не обычная сабля, это сабля Авлуни¹, в нее семь клинков молнии заложено. Не огнем она закалена, а молнией и алмаз, как сыр, режет. Да прибавь еще и силу моего кулака... Короче, хочу я как-нибудь отправиться на грабеж каравана, и ежели с божьей помощью не перебую людей, то и впредь займусь этим делом. Хоть какая-нибудь да появится лазейка излить мою силу и храбрость, не то боюсь, как бы они не пропали втуне, а потом глядишь — твой Назар, как и наш сосед Фанос, превратится в обыкновенного огородника.

Назан вздохнула — ну что с него возьмешь? Оставалось лишь спросить:

— Когда же ты с божьей помощью на грабеж соберешься, Назар?

— Я же сказал, жду лунной ночи.

— Ежели этой ночью луна выглянет, пойдешь? — жена покосилась на мужа.

— Посмотрим, посмотрим, — нахмурился Назар, — рыба, что в реке, не в руке. Иная лунная ночь темнее самой темной ночи. Я подстерегаю мою желанную ночь.

— Твоя желанная ночь никогда не наступит, — сказала

¹ Авлуни — большой меч, по преданию принадлежавший царю Трдату.

жена, — и мой день никогда не озарится светом. На словах ты властелин мира, а на деле — обуза мира. Жена на тебя спину гнет — тебя кормит, жена от тебя шагу ступить не может — как бы ты со страха не помер. Жена тебя колотит — ты мужчину из себя корчишь, гоголем ходишь. Ах, нет на тебя погибели, бездельник проклятый!

— Цыплят по осени считают, — Назар гордо выпятил грудь, — зря, зря ты своего Назара попрекаешь-проклинаешь. Ступай, ступай, состряпай чего-нибудь, у меня животишко подвело.

Ясное утро сменилось жарким полднем. Воздух накалился и застыл. Листья на деревьях обмякли, поникли, как вислые собачьи уши. Все живое попряталось в тени, опустели деревенские улочки и поля — одно раздолье для неутомных мух. Приютившись под сенью тутового дерева, Назар похрапывал, подложив под голову палан¹ осла. Не понять было, какие сны одолевали Назара, он причмокивал пухлыми губами, слюни со струйками пота текли по лицу из носа и рта. Как на лакомую приманку, на него с жужжаньем слетелось целое полчище мух и осадило его физиономию. Спящий Назар забеспокоился, буркнул что-то нечленораздельное и пару раз даже сделал слабую попытку шевельнуться, но мухи напирали на него густой массой. Назар поднял руку, но она беспомощно упала на грудь, и безнаказанные мухи вконец обнаглели. Назар открыл глаза. Лицо его было сплошь облеплено мухами, уши заложило от их жужжания.

— Вай, чтоб вас! — обеими руками бац себя по лицу. Сон мигом слетел, и Назар завопил что есть мочи: — Вай, вай, вай!..

Жена выскочила во двор:

— Что такое, ай Назар?

Назар сел, глаза вытаращил — перед ним видимо-невидимо мух, которых он уложил одним ударом. С удивленно-довольными возгласами он пытался сосчитать свои жертвы, но никак не мог справиться.

— Что это, вай, как так получилось? Раз, два, три, четыре, пять, тысяча... — и сбивался со счета. — Говорил же я, Назар, говорил, что когда-нибудь накличу беду на голову моих недругов! А ты не верила. Теперь можешь своими

¹ П а л а н — войлочное седло.